

Имперская идея

ИТАК, к началу 20-х годов XVIII века корабль империи был вчерне построен великим плотником, и под звуки последних залпов Северной войны он уже плыл. Теперь очередь за последним вопросом: куда же плывет этот корабль? (Помните Пушкина: «Куда ж нам плыть?») Каковы были цели царственного шкипера?..

...7 апреля 1716 года пала последняя шведская крепость в Германии — Висмар. Шведская империя перестала существовать. Но мира все же не было, и Петр в 1716 году попытался осуществить свою давнюю идею высадки десанта с объединенного флота союзников непосредственно на побережье Скандинавии. Но вскоре от этого замысла пришлось отказаться: шведы хорошо подготовили побережье к обороне. Отказ Петра, в свою очередь, вызвал недовольство Дании, потребовавшей вывода из Ютландии русского экспедиционного корпуса.

К этому времени, особенно после изгнания шведов из континентальной Европы, отношения между союзниками стали ухудшаться. Северный союз превращался в «клубок друзей». Дело шло к финалу — дележке отнятого у Швеции, и союзники с недоверием посматривали друг на друга, и особенно на молодого гиганта — Россию. Собственно, с выхода России к Балтике, закладки Петербурга и появления русского флота документы фиксируют пристальное внимание европейских держав к активности России. Не случайно уже в феврале 1704 года прусский посланник Кейзерлинг запрашивал русское правительство о флоте, а также о Петербурге: «Желает ведать его величество, каким образом возвращенныя морские пристани определены будут и чтоб от оных впредь опасение прочим потентатам, при том море обретающимся, не было». Петр отвечал, что флот создается исключительно для охраны торговых путей к балтийским портам и что «ни единой деревни шведской не желаем себе, хотя б которыя и взяты были»¹.

Медаль в честь взятия Нейшлота.

В 1715 году Петр говорил уже другим языком. В инструкции Б. Куракину, направленному в Англию для переговоров о посредничестве великих держав в заключении мира на Севере, о самом важном условии его достижения сказано без обиняков: «...из завоеванного изволят при заключении мира уступить короне шведской город Абов с прочими местами великаго дукатства Финляндского, оставя некоторую барьеру к Выборгу, а о Риге и Лифляндах изволил объявить, что оные царское величество *короне шведской уступить отнюдь невозможно*, ибо тем бы способом привел все свои прочия превращенныя от шведов наследныя, також и другия завоеванныя места в вечную опасность и подан бы был тем способ при всякой малейшей полезной оказии шведу ко вступлению войною в е. ц. в. земли и имел бы таким образом е. ц. в. больше убытку в содержании в тех местах всегда великих войск, нежели пользы».

Другими словами, Петр считал, что оставить Лифляндию Швеции — значит создать угрозу Петербургу. Далее Петр высказывает мысль, что невозможно выполнить и прежние многочисленные обещания о передаче Лифляндии полякам или их королю, «ибо оная корона, яко непостоянная и непрестанным пременам подлежащая, оная легко может паки потерять и в руки шведския или иной которой области отдать». Кроме того, царь ссылагается на то, что его завоевания потребовали больших расходов и он желает их компенсировать за счет новых территорий,

ибо «един все труды и иждивение в сей войне на себе понес, и короля и Речь Посполитую от шведского насилия обороня, тот город и провинцию войски и иждивении своими взял и при договоре о сдаче тех мест, шляхта и граждане той провинции и города отдались ц. в. с такою кондициею, чтоб им во владении е. ц. в. быть». Разумеется, о том, каким образом Рига была вынуждена присягнуть русскому царю (о чем знает читатель), здесь не упоминалось.

Новая интерпретация прежних соглашений вызвала протест Речи Посполитой. Обе стороны обратились к служебной историографии, которая без труда доказывала, что предки именно ее властителя раньше владели Восточной Прибалтикой. Уже в 1714 году русский посол в Англии стал проводить на официальном уровне мысль, что «не токмо Ингермонландия и Карелы, но и большая часть Эстляндии и Лифляндии издревле всегда российской принадлежали короне»².

Ныне вряд ли имеет смысл искать приоритет захвата — ясно, что земли Лифляндии и Эстляндии принадлежали тем, кто на них жил испокон веков, — латышам и эстам. Однако тогда, в начале XVIII века, о национальном политическом сознании этих народов говорить еще рано, и в споре о первенстве прав был тот, кто был сильнее. Сильнее оказалась Россия, которая овладела этими территориями на 200 лет.

Судьба Лифляндии и Эстляндии по-настоящему волновала лишь одного союзника России — Польшу. Пруссия же этим не интересовалась. Она безуспешно выпрашивала у России взятый в 1710 году русскими войсками польский Эльбинг (Эльблонг) и не раз предлагала России проекты раздела польских территорий. Однако Пруссию, как и Данию, и Ганновер со стоящими за ними Англией и Голландией серьезно беспокоило всевозрастающее вмешательство России в германские дела. Оно имело довольно сложную природу и разнородные причины.

Петр, добившись Полтавской победы, устремился в Германию, ибо не без оснований видел в завоевании германских владений Швеции наиболее короткую дорогу к миру с упрямым королем. Но, решая эту стратегическую задачу, Петр был преисполнен и откровенно имперских замыслов, состоявших в расширении и упрочении влияния России как в соседних, так и в более отдаленных землях. Это не означало, что он намеревался занять мес-

----- Пути сосредоточения русского, голландского, английского и датского флотов под Копенгагеном в 1716 г.

♀ Русская пехота под Копенгагеном для десанта в Сконию в 1716 г.

↖ Десантные операции русского флота в Швеции под командованием Апраксина в 1719 г.

↗ Десантные операции русского флота в Швеции под командованием Голицына в 1720 г.

← Главный путь вторжения шведских войск в Россию в 1708 г.

↖ Путь вторжения корпуса Левенгаупта в Россию в 1708 г.

✕ Места сражений сухопутных войск

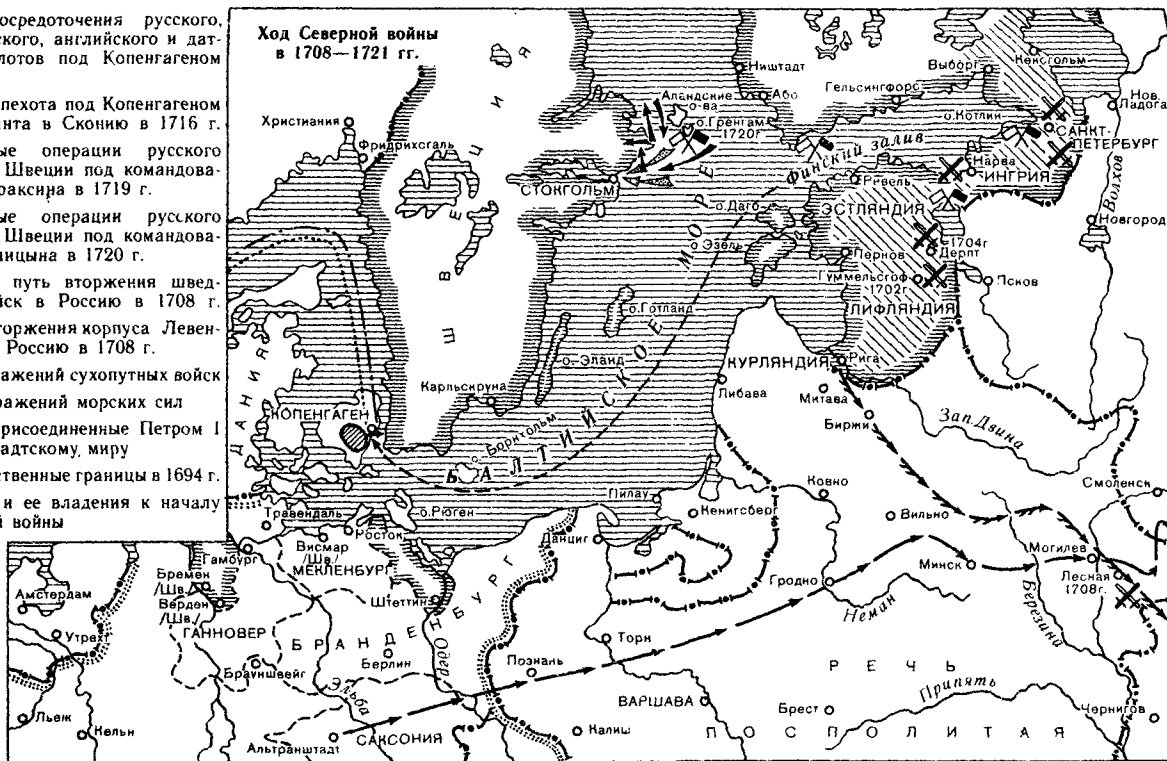
⊠ Места сражений морских сил

▨ Земли, присоединенные Петром I по Ништадтскому миру

— Государственные границы в 1694 г.

▨ Швеция и ее владения к началу Северной войны

Ход Северной войны в 1708—1721 гг.

то Швеции в Германии, завладев ее германскими провинциями. Петр был достаточно трезвый политик и понимал, что при сложившейся международной обстановке, значительной удаленности Померании от России подобная мысль нереальна, что попытка ее реализации приведет к многочисленным сложностям, опасным и ненужным России. Он шел в достижении своих целей иным путем.

Различие интересов германских княжеств, а также тех великих держав, которые были не прочь половить рыбу в мутной германской воде, было таково, что у России появилось немало возможностей влиять на ситуацию в Германии, используя различные формы вмешательства. Одним из самых испытанных способов была брачная политика. Значение династических браков для почти сплошь монархических государств Европы XVIII века трудно переоценить. Кровное родство имело огромное значение в европейской политике, а брачные комбинации составляли одну из важных целей дипломатии. Петр был реформатором и в этой сфере политики России, ибо он покончил с «кровной изоляцией» династии Романовых. Первый опыт был проведен в 1710 году, когда племянница Петра — дочь его старшего брата Ивана, Анна Ивановна (будущая императрица), была выдана за курляндского герцога Фридриха-Вильгельма и почти сразу же овдовела. Петр настоял на том, чтобы Анна отправилась в Курляндию и там жила под контролем представителей русского правительства. С тех пор влияние России в этом вассальном Речи Посполитой княжестве стало доминирующим.

30 июня 1712 года курляндское дворянство получило грамоту Петра: «Понеже наша племянница, ее высочество герцогиня курляндская ныне едет в Курляндию, того ради желаем от вышеупомянутых обер-ратов и шляхетства, дабы против учиненного между нами и его светлостию блаженныя памяти князем курлянским и семигальским Фридерихом-Вильгельмом супружественного договору оной, ради резиденции ея и с пребывающим при ней двором, отведен и убран был по достоинству замок. Також и определенныя деньги для иждивения оной збираны ее высочеству были по квартально без замедления...» В сентябре, узнав от русского уполномоченного П. М. Бестужева о том, что курляндцы без восторга встретили этот указ, он предписывает Бестужеву не стесняться в средствах его реализации: «И для того посылайте на экзекуции

Петр I. Портрет работы Ку-перского.

наших драгун, которых возьмите у рижского коменданта Полонного, которому о том уже и указ послан, и смотрите за ними, чтоб они сверх указу себе лишняго не брали». Как простодушно писал биограф Петра И. Голиков, «из сего письма, так же и из первых двух к сему г. Бестужеву, довольно видно что Монарх, за вдовством племянницы своей, принял на себя управления и Курляндии. И сие ниже более еще подтвердится»³. Читая все это, как-то забываешь, что речь идет о независимом от России герцогстве — вассале Речи Посполитой.

Большое значение имел сам факт заключения в 1710 году брака наследника российского престола Алексея с вольфенбюттельской принцессой Софией-Шарлоттой. В 20-х годах велись интенсивные переговоры о браке Людовика XV с царевной Елизаветой Петровной, сватали и младшую дочь Петра, Наталью, за наследника испанского престола Фердинанда. Однако наиболее серьезные последствия имели брачные переговоры с германскими правителями.

В 1712 году, преследуя вместе с союзниками армию Стенбока, русские войска вошли в соседнее с Померанией герцогство Мекленбург-Шверинское и остались там надолго, ибо это было удобное место для зимовки десанта в Швецию. Однако отношения России и Мекленбурга вопросами содержания русского экспедиционного корпу-

са не ограничились. Петр почти сразу же начал вести переговоры о браке мекленбургского герцога Карла-Леопольда со своей племянницей Екатериной Ивановной. Герцог состоял в распре с собственным дворянством, не принимавшим его абсолютистских замашек и многочисленных капризов. В лице Петра и его войск он рассчитывал найти поддержку и не ошибся. По брачному договору, 8 апреля 1716 года подписанному Петром, Россия должна была «исходотайствовать... герцогу и его наследникам совершенную безопасность от всех внутренних беспокоейств *военною рукою* без всякой платы убытков». Для этого Мекленбург обязывался «перепустить для безопасности общих выгод в Мекленбургию российских девять или десять полков в собственное его, герцога, распоряжение с жалованьем царским, где им и быть до окончания Северной войны, и без самой крайнейшей нужды оных обратно не требовать», а также «оборонять его, герцога, от всех несправедливых жалоб враждующаго на него мекленбургского шляхетства и их приводить в послушание». Кроме того, Петр по окончании войны обещал «доставить» Карлу-Леопольду шведский город Висмар⁴.

Еще не высохли чернила, как оказалось, что выполнить договор невозможно,— между союзниками произошел скандал. Русские войска не были допущены в капитулировавшую шведскую крепость Висмар прусско-ганноверско-датским командованием. Это экстраординарное событие чуть было не вылилось в вооруженный конфликт между Россией и ее союзниками. Оно отражало те опасения, с которыми Дания, Пруссия и особенно Ганновер наблюдали за усилением России в Северной Германии, тем более что на шведские владения претендовал ганноверский курфюрст, ставший английским королем и мечтавший превратить свое герцогство в могущественное владение. Конечно, он не хотел иметь своим соседом русскую армию в Мекленбурге. Не чувствуя ситуацию, Петр затронул весьма болезненную точку Германии, нарушил политическое равновесие в этом районе, вызвав беспокойство в Ганновере и других княжествах, тесно связанных политическими, родственными, экономическими узами с Мекленбургом.

Тем не менее вмешательство Петра в мекленбургские дела сохранялось и даже усиливалось. Царь выступил арбитром в споре мекленбургского дворянства с герцо-

гом, и, зная политические симпатии российского самодержца, нетрудно догадаться, чью сторону он держал. В 1716 году мекленбургские дворяне взбунтовались против своего повелителя. В ответ русское командование арестовало зачинщиков, поползли слухи о предстоящей депортации всех недовольных герцогом в Россию, началось бегство дворянских семей из Мекленбурга. И хотя вскоре Петр вывел основные силы из Мекленбурга в Польшу, ограниченный контингент все же был там оставлен. Дворянство продолжало жаловаться верховному сюзерену — германскому (австрийскому) императору и на герцога, призывавшего царя «разобраться» с его подданными вооруженной рукой, и на Петра, потакавшего амбициям Карла-Леопольда. Дело получило европейскую огласку, — ведь речь шла о составной части Германской империи. Петр, хотя и избегал крайних действий, все же был полностью на стороне герцога. В феврале 1718 года он ходатайствовал за Карла-Леопольда перед имперским Регенсбургским собранием, прося «доставить ему спокойное своими землями владение и давая знать, что в противном случае он, государь, крепко вступится за его, герцога, и с помощью прав его сильнее оборонять его будет». Кроме таких явных угроз германским князьям в окружении Петра обсуждался проект соединения Балтийского и Немецкого морей системой каналов через мекленбургскую территорию и создания там перевалочного пункта для русских товаров, которые таким образом избежали бы уплаты зундской пошлины, взимаемой датчанами со всех судов, проходящих через проливы Зунд и Бельты.

Так, при активном участии Петра возник и долго муссировался в европейских политических кругах «мекленбургский вопрос». К нему было бы приковано все внимание, если бы почти одновременно не возник другой — «голштинский вопрос», в котором Россия также приняла деятельное и далеко не бескорыстное участие.

Завязка его уходит далеко в прошлое, когда в 1713 году датский король вторгся в Шлезвиг-Голштинию и оккупировал примыкавший к датской границе Шлезвиг. Это стало возможно ввиду явного ослабления Швеции, оказывавшей поддержку князьям родственного шведским королям голштейн-готторпского дома (малолетний герцог Карл-Фридрих являлся племянником Карла XII). С 1714 года политические деятели Голштинии, в первую очередь Бассевич, в поисках нового патрона сближаются

с Петром и делают ему несколько заманчивых предложений. Дело в том, что Карл-Фридрих, сын сестры Карла XII, ввиду бездетности короля мог наследовать шведский престол и в перспективе соединить Швецию и Голштинию под одной короной. Бассевич предлагал России союзный договор, а вместе с ним «супружественный трактат» о браке старшей дочери Петра Анны Петровны и Карла-Фридриха. Поначалу Петр осторожничал, отвечая, что «в доставлении... шведской короны молодому князю не отрекается помогать, но нужно в том и прусского короля согласие, но заранее о сем договор чинить неприлично, ибо король по молодости своей далек еще от натуральной смерти (Карлу XII в то время было 32 года.— Е. А.), что будет стараться доставить ему, принцу, Финляндию». Та же мысль выражена Петром и в ответе на вопрос об объединении Голштинии и Швеции: «Сей пункт зело деликатен, к тому ж и король еще жив и смысл сего пункта зело на тонких ногах носит свое седалище»⁵.

Но постепенно высказывания и действия Петра становились смелее и определеннее, что вызывало крайне отрицательную реакцию Копенгагена. Так возник «голштинский вопрос», в решении которого прослеживался тот же почерк, как и при решении «курляндского» и «мекленбургского» вопросов, хотя ситуация после окончания войны «за испанское наследство» стала для Петра менее благоприятна.

Появление этих «вопросов» и, шире, острота самого главного из них — о разделе шведского наследия и роли России в нем — поставили Северный союз на грань распада. Особо способствовала этому позиция английского короля, недовольного усилением России в Германии и опасавшегося, что действия России подорвут основы англо-голландской торговли на Балтике. Англия даже стала инициатором явно антирусского альянса, в который вошли помимо нее Голландия, Франция и куда она втягивала также Данию и Пруссию.

Все это привело к тому, что в мае 1718 года начались сепаратные русско-шведские переговоры на Аландских островах. Они назрели давно и завязались со «случайной» встречи на прогулке в лесу близ замка Лоо под Утрехтом шведского министра Герца и русского посла Б. Куракина. Разумеется, «случайная» встреча была подготовлена длительными контактами различных посредников.

Русская позиция на переговорах, которую защищали Брюс и А. Остерман, сводилась к требованию уступки Швецией Ингрии, Карелии, Лифляндии, Эстляндии и Выборга. Финляндия по реку Кюмень отходила к Швеции. Шведские представители Гилленбург и Герц настаивали на возвращении Швеции Эстляндии и Лифляндии. Дальнейшие переговоры шли по пути сближения шведской точки зрения с русской. Основой для этого стали усилия русской стороны, направленные на то, чтобы найти возможность компенсировать Швеции утраченные ею владения и попытаться заключить с нею союз. Россия считала, что удовлетворить Швецию можно за счет Дании и Ганновера. О союзе шведы подали специальный проект. Суть его состояла в том, чтобы начать совместные действия против Дании, с тем чтобы за ее счет компенсировать Швеции ее потери. Одновременно предлагалось обменять Мекленбург на Лифляндию, первый передать Швеции, а во вторую посадить мекленбургского герцога Карла-Леопольда. Рассматривался и другой план — возвести герцога на престол Курляндии. Этот план означал втягивание России в новую войну, чего Петр не хотел.

Переговоры затягивались. В середине декабря 1718 года стало известно, что в Норвегии при осаде датской крепости Фридрихсгал был убит Карл XII. Существует версия, что он погиб от пули предателя из своей свиты — секретаря француза Сикье.

Внезапная смерть короля резко изменила ситуацию. К власти пришла младшая сестра покойного — Ульрика-Элеонора, что привело к усилению английского влияния на Стокгольм. Герц — главная пружина шведско-русского сближения — был арестован и в марте 1719 года казнен. Английский план урегулирования, исходивший из амбиций Ганновера и английских торговых интересов, тоже предусматривал компенсацию территориальных потерь Швеции, но только за счет России. Одновременно английская дипломатия предприняла усилия в связи с опасениями за судьбу Польши, которой тогда, казалось, угрожал раздел между Пруссией и Россией (наличие таких планов у Пруссии было несомненно), а также добилась наказания мекленбургского герцога Карла-Леопольда. В начале 1719 года ганноверско-вольфенбютельская армия вошла в Мекленбург и создала комиссию для управления герцогством от имени германского импе-

Торжественный ввод в Петербург пленных шведских фрегатов 1720 год. Гравюра А. Ф. Зубова.

ратора. Так Россия была окончательно вытеснена из Мекленбурга, Петр, остро заинтересованный в мире со шведами, не намеревался теперь помогать вздорному родственнику и предложил Карлу-Леопольду помириться с дворянством и императором.

В 1719 году Аландские переговоры возобновились с участием прусского представителя, но вскоре были прерваны окончательно. Петр понял, что ускорить заключение мира поможет только оружие. К этому подталкивали обстоятельства — летом 1719 года мир со шведами подписали ганноверцы, на пути к миру со шведами была и Пруссия.

✓ Военные действия против Швеции в 1719—1721 годах Россия вела возле шведских берегов и непосредственно на ее территории. Русский корабельный флот к этому времени по всем данным превосходил шведский, что было

продемонстрировано в Эзельском сражении в мае 1719 года, а затем в Гренгамском сражении 27 июля 1720 года. Русские корабли осуществляли конвоирование галер и транспортных судов, которые, совершая походы вдоль шведских шхер, высаживали войска на острова и побережье. Экспедиции русских войск носили ярко выраженный карательно-демонстративный характер. Ф. М. Апраксин писал Петру 30 июля 1719 года из занятого Нордчёпинга: «...неприятелю сколько какого разорения учинено по вышеописанное число, о том подлинно писать не может, понеже еще не взял обстоятельной ведомости и чаёт, что неприятелю будет убытку на многие миллионы. Кроме королевских местечек, многие шляхетные замки каменные и мызы с каменным и деревянным строением превеликия разорены и сожжены»⁶.

Уничтожение сел, деревень и городов должно было продемонстрировать серьезность намерений царя, если шведы будут и далее уклоняться от мира. Зарево пожаров от горящих в окрестностях Стокгольма селений и поток беженцев в столицу должны были убедить королевскую семью в этом. Угрозы петровского манифеста, обращенного к шведскому народу после Полтавы, начали сбываться.

Морские победы 1720 года упрочили, несмотря на присутствие английского флота, господство России на Балтике, и весной 1721 года вновь начались карательные десанты с участием казачьих войск. Летом, высадившись возле Умео, русские отряды, не встречая сопротивления, разорили и сожгли 4 города, 509 деревень и 79 мыз с 4159 дворами, 12 железоделательных заводов и других сооружений, вывезли тысячи пудов меди, железа и 556 голов рогатого скота⁷.

Сломленные этими экспедициями и общим ужасающим разорением, отбросившим Швецию из разряда великих держав, а также пассивностью своего нового союзника — Англии, шведское правительство пошло на возобновление с Россией мирных переговоров, которые проходили с апреля 1721 года в небольшом финляндском городке Ништадте. Ему было суждено войти в историю миром, заключенным 30 августа 1721 года. Вот самый важный из пунктов подписанного мирного трактата:

«4. Его королевское величество Свейское уступает сим за себя и своих потомков и наследников свейскаго престола и королевство свейское его царскому величеству и

Гренгамская пирамида. Гравюра А. Ф. Зубова.

его потомкам наследники Российскаго государства в совершенное непрекословное вечное владение и собственность в сей войне, чрез его царскаго величества оружия от короны Свейской завоеванныя провинции: Лифляндию, Эстляндию, Ингерманландию и часть Карелии с дистриктом Выборгскаго лена, которой ниже сего в артикуле разграничения означен и описан с огородами и

Аллегория Ништадтского
мира 30 августа 1721 года.
Бронзовый барельеф.

крепостями: Ригию, Дюнаминдом, Пернавою, Ревелем, Дерптом, Нарвою, Выборгом, Кексгольмом и всеми прочими к помянутым провинциям надлежащими городами, крепостями, гавенами, местами, дистриктами, берегами, с островами: Эзель, Даго и Меном и всеми другими от курляндской границы по лифляндским, эстляндским и ингерманландским берегам и на стороне оста — от Ревеля в фарватере к Выборгу, на стороне зюйда и оста — лежащими островами со всеми так на сих островах, как в вышеупомянутых провинциях, городах и местах обретающимися жителями и поселениями, и генерально со всеми принадлежностями, что ко оным зависит высочествами, правами и прибытками во всем ничего в том не исключая, и как оными корона свейская владела, пользовалась и употребляла. И его королевское величество отступает и отрицается сим наиобязательнейшим образом, как то учиниться может вечно за себя, своих наследников и потомков и все королевство Свейское от всяких прав, запросов и притязаний, которые его королевское величество и государство Свейское на все вышеупомянутыя провинции, острова, земли и места до сего времени имели и иметь могли, яко же все жители оных от присяги и должности их, которыми они государству Свейскому обязаны были по силе сего весьма уволены и разрешены быть имеют, так и таковым образом, что от сего числа в вечныя времена его королевское величество и государство Свейское, под каким предлогом то б ни бы-

ло, в них вступаться, ниже оных назад требовать не могут и не имеют, но оные имеют вечно Российскому государству присоединены быть и пребывать»⁸.

Хотя приведенный отрывок и длинен, но в особом комментарии не нуждается — Швеция навсегда отказывалась от Восточной Прибалтики в пользу России, которая секретным артикулом обещалась выплатить ей денежную компенсацию в два миллиона ефимков до сентября 1724 года.

Итак, в конце августа 1721 года главная цель, ради которой жил Петр, — завоевание выхода в Балтийское море — была с блеском достигнута. Россия получила не только отнятые некогда шведами «отчины и дедины», но и приняла участие в разделе Шведской империи, захватив Эстляндию и Лифляндию.

Но что же дальше? Ясно, что выход в Балтику нужен был Петру не для удовлетворения своего тщеславия и даже не для восстановления справедливости. Петр был сыном своего времени — времени господства в умах государственных деятелей концепций меркантилизма и протекционизма. Государство должно обогащаться, накапливая золото и серебро, что достигается активным торговым балансом, преобладанием вывоза над ввозом, — в таком кругу идей вращалась мысль меркантилистов. Петр, как мы знаем, придавал огромное значение развитию торговли как основы могущества государства и благосостояния подданных. Он считал, что отсутствие у государства морских пристаней, через которые оно может вести торговлю, — явление ненормальное. Уподобляя государство живому организму (частый прием в философии механицизма), он пишет: через пристани, «сию артерию, может здравее и прибыльнее сердце гасударственное быть...»

Поэтому можно говорить о доминанте торговой политики в общей системе внешней политики России после Ништадтского мира. Именно с этой доминантой связаны многие направления петровской дипломатии. Наиболее существенным был так называемый «зундский вопрос». Суть его состояла в том, что Дания с давних времен взимала с кораблей, проходящих по проливам Зунд и обоим Бельтам, пошлину. Швеция имела льготу, и ее корабли могли беспошлинно проходить проливы. 7 ноября 1721 года русский посол А. П. Бестужев-Рюмин (будущий канцлер России при Елизавете) предложил Петру

воспользоваться одной из статей Ништадтского договора, согласно которой отошедшие к России прибалтийские города сохраняли все свои привилегии и права, в которые входило и право свободного прохода через Зунд. Иначе говоря, товары из Петербурга облагались пошлиной, а из Риги, Пярну или Ревеля — не облагались. Петр сразу же ухватился за идею Бестужева. По его заданию А. Остерман ответил послу, что Петр «не токмо вашего благородия доношение всемилостивейше апробовал и похвалил, но и в приложенном указе повелел вам о том при дацком дворе формально домогаться... Дело собою явно: оные провинции всегда сию привилию имели, и его королевское величество дацкое по справедливости в том отказать не может...»

Часто мы не можем проследить завязку того или иного международного конфликта: источники или не сохранились, или их вообще не было. Здесь же конфликт начался с конкретного письма посла и ответа на него. Иной читатель усмехнется: подумаешь, конфликт! Но все измеряется в масштабах своего времени, и для Балтийского региона «зундское дело» целых шесть лет было одним из важнейших, ибо в нем были замешаны могущественные державы, и в первую очередь Россия. Силу ее ценили и боялись. Французский посол в России Ж.-Ж. Кампредон писал своему правительству о Петре, что «при малейшей демонстрации его флота, при первом движении его войск ни шведская, ни датская, ни прусская, ни польская корона не осмелятся ни сделать враждебного ему движения, ни шевельнуть с места свои войска... Он один из всех северных государей в состоянии заставить уважать свой флаг»⁹.

Беспокойство в Копенгагене после соответствующих демаршей Бестужева было велико, ибо к «зундскому делу» Петр привязал уже известный читателю «голландский вопрос». Об этом так говорилось в письме Остермана Бестужеву: «Ваше благородие можете дацкому двору при сем случае приличным образом внушить, что хотя у е. ц. в. как от герцога Голштинского, так и от многих других и сильных держав, которые за него, герцога, заступают, довольные домогательства чинятся, дабы его величество в какие королю дацкому противныя меры привести, однакоже е. и. в., оставя все двора дацкого прежние к нему несклонные поступки, до сего времени не токмо от сего удалялся, но и его, герцога, и других от

оного удерживал и весьма готов и склонен с е. к. в. в неотменной доброй дружбе пребывать, токмо б с страны е. к. в. взаимно к нему поступлено было и е. к. в. ныне имеет случай е. и. в. при таких полезных и добрых сентиментах удержать и утвердить, когда в сей его справедливой претензии (т. е. пропуске через Зунд без пошлин.— Е. А.) ему надлежащее удовольствие покажет».

Легкий оттенок шантажа отчетливо виден в изящно изложенном тексте: удовлетворите наши зундские претензии — не будем поддерживать голштинского герцога в его притязаниях на возврат Шлезвига, или будет наоборот. Эти демарши предполагалось подкрепить иными средствами. Бестужев писал из Копенгагена по этому поводу в 1722 году: «От вашего величества зависит, ежели в том твердо стоять и чрез экипирование флоту и протчих подвигов воинских, здешной двор в неотменной уторопливости содержать...»¹⁶

В планах активной, если не сказать — агрессивной, политики «голштинский вопрос» был необычайно плодотворен. Он позволял держать в «неотменной уторопливости» Данию, ибо, гранича с ней на юге, Голштиния постоянно угрожала ее мягкому подбрюшью. Беспокоили Данию и разговоры о возможности прорытия канала из Балтийского моря в Северное (будущего Кильского) и создании порто-франко для русских товаров. Это было бы серьезным ударом по экономике Дании, ибо сборы зундской пошлины составляли важную статью ее дохода. К тому же голштинский герцог Карл-Фридрих являлся, как мы помним, племянником бездетной королевы Швеции Ульрики-Элеоноры, поэтому Россия активно поддерживала голштинскую партию в Стокгольме, которая мечтала увидеть его на шведском престоле.

Как известно, в 1720 году в Швеции был ликвидирован режим абсолютизма, к власти пришла родовитая аристократия. Россия в лице Петра и его резидентов не упускала возможности вмешаться в дела Швеции, активно поддерживая аристократических «республиканцев», ибо в отсутствии сильной единой державной власти Петр видел самый надежный залог того, что в Швеции не окрепнет реваншизм и, увлеченная борьбой группировок, ослабленная политически и экономически, она не будет опасна России. Поразительно, но одним из условий Ништадтского договора был пункт, согласно которому Россия обещалась не только не интриговать против строя, возникшего после олигархической «революции» 1720 го-

да, но и «все, что против того вознамерено будет и его царскому величеству учинится, всяким образом мешать и предупреждать искать изволит»¹¹. Такая позиция могущественного соседа весьма импонировала шведской знати, только что укрепившейся у власти. Поэтому, когда начались переговоры о заключении союза, русские представители поставили условие, что если шведы не будут искать иного наследника престола, кроме герцога голштинского — жениха Анны Петровны, то «мы не токмо по Нийштатскому трактату уже должны содержать, но и все то, что чины государственные еще вящще для содержания своих прерогатив и вольностей и когда постановя в вечное время гарантировать будем».

Следствием этих переговоров стал оборонительный союз России и Швеции сроком на двенадцать лет, подписанный 11 февраля 1724 года, — документ, уникальный для истории (в целом враждебных) русско-шведских отношений. Петр в этой ситуации проявил себя как тонкий дипломат и, будучи в целом политиком возможного, достиг невозможного — втянул своего вчерашнего непримиримого врага в союз, выгодный прежде всего России, ставшей подлинной властительницей Балтики. Как часто бывает, суть соглашения была заключена в секретных артикулах. В первом из них предусматривалось, что Швеция и Россия будут добиваться для Голштинии возвращения Шлезвига, во втором — что Россия и Швеция должны приложить все усилия к тому, чтобы «польскую республику стараться защищать при древней ее вольности, отвращая все противныя в таковом деле предприятия и замыслы». Говоря проще, российский император так же, как и в случае со Швецией, выступал против абсолютистских поползновений Августа, радея о сохранении режима дворянской республики в Польше, ибо это не позволяло Польше усилиться и оказать сопротивление всевозрастающему влиянию России в польских делах*.

* На протяжении почти всей Северной войны русские войска не покидали пределов Речи Посполитой, активно влияя на ее политическую ориентацию. Вот типичный указ Петра от 25 августа 1716 года: «Господа Сенат! Доносил нам посол князь Григорей Долгорукой, что при нынешнем состоянии дел в Польше и когда конфедераты, несмотря чрез наше посредство от короля им позволенные полезные кондиции, примиритца с оными не хотят, но по шведским факциям возмущение продолжают, и того ради интересом нашим потребно есть в Литву послать от Смоленска некоторое число войск, чтоб оныя с той стороны, а генерал Рен от Киева вступя, соединясь с доброжелательными нам, те беспокойные могли к миру принудить»¹².

Немаловажным был третий артикул договора: Россия разрешала Швеции беспошлинный вывоз хлеба, пеньки, льна и мачтового леса.

Союз со Швецией стал мощным оружием против влияния в северном районе Англии, утратившей прежние прочные позиции в Стокгольме, и особенно против Дании, упорствовавшей в собственной трактовке зундских пошлин. Причем важно отметить, что Россия не была последовательно враждебна к Англии. Петр был готов к урегулированию отношений на какой-то паритетной основе, на признании сфер влияния на Балтике.

В целом же русская политика на Западе после Ништадта отличалась активностью, особенно в Германии, где сходились интересы сразу нескольких крупных держав.

Неизмеримо выросло влияние России в Курляндии. Причем Петр действовал очень продуманно и тонко. Русские эмиссары, выступая от имени вдовствующей герцогини Анны Ивановны, выкупали заложенные некогда курляндскими герцогами домены. В итоге этих частных-правовых операций к Анне (читай — России) переходили владения герцогов и соответственно их сеньориальные права.

Но все же наиболее жестко в конце 1724-го — 1725 году Россия действовала в «голштинском вопросе». К этому времени дело о браке герцога Карла-Фридриха и Анны Петровны было окончательно решено, и «голштинская партия» праздновала победу. Летом же 1725 года, уже при Екатерине I, Россия была на шаг от войны с Данией. Герцог торопил свою тещу с подготовкой армии. Холодные головы в правительстве Екатерины уговорили ее не спешить с войной против Дании, но весной 1726 года приготовления десанта велись необычайно активно, в Копенгагене царил паника, датчане просили Англию о вооруженной поддержке, и в начала лета англо-датский флот блокировал русскую эскадру в Ревеле, простояв на якорях до осени. В 1726 году конфликт с Данией по поводу притязаний герцога стал сходить на нет — Меншиков, подлинный властитель России первых послепетровских лет, оккупировал Курляндию и задумал стать герцогом Курляндии... Но это уже другая история, хотя она своими корнями уходит в те принципы политики, которые были разработаны Петром и основывались, конечно, на гораздо более тонком учете всей совокупности международных

отношений, в системе которых стала действовать Россия после Ништадтского мира.

Активность петровской европейской политики, разумеется, получала весьма однозначную негативную оценку в политических кругах тех стран, которые также мечтали упрочить свое влияние в Германии, Прибалтике и Польше. Среди них были Англия, Франция, Австрия и поднимающая голову Пруссия. Весьма своеобразным выражением этого отношения стало так называемое «политическое завещание» Петра Великого, получившее широкую огласку и весьма популярное до сих пор, когда речь заходит о внешней политике царской России, да и Советского Союза. Вот его полный текст, опубликованный в СССР лишь раз, в 1946 году, в «Ученых записках» Московского историко-архивного института:

«1. Поддерживать русский народ в состоянии непрерывной войны, чтобы солдат был закален в бою и не знал отдыха; оставлять его в покое только для улучшения финансов государства, для переустройства армии и для того, чтобы выждать удобное для нападения время. Таким образом, пользоваться миром для войны и войной для мира в интересах расширения пределов и возрастающего благоденствия России.

2. Вызывать всевозможными средствами из наиболее просвещенных стран военачальников во время войны и ученых во время мира для того, чтобы русский народ мог воспользоваться выгодами других стран, ничего не теряя из своих собственных.

3. При всяком случае вмешиваться в дела и распри Европы, особенно Германии, которая, как ближайшая (страна), представляет более непосредственный интерес.

4. Разделять Польшу, поддерживая в ней смуты и постоянные раздоры, сильных привлекать на свою сторону золотом, влиять на сеймы, подкупать их для того, чтобы получить возможность участвовать в избрании королей, проводить на этих выборах своих сторонников, оказывать им покровительство, вводить туда русские войска и временно оставлять их там, пока не представится случая оставить их там окончательно. Если же соседние государства станут создавать затруднения, то их успокаивать временным раздроблением страны до тех пор, пока можно будет отобрать назад то, что было им дано.

5. Захватить как можно больше областей у Швеции и искусно вызывать с ее стороны нападения, дабы иметь

предлог к ее покорению. Для того изолировать ее от Дании и Данию от Швеции и заботливо поддерживать между ними соперничество.

6. В супруги к русским великим князьям всегда избирать германских принцесс для того, чтобы умножать родственные союзы, сближать интересы и, увеличивая в Германии наше влияние, тем самым привязать ее к нашему делу.

7. Преимущественно добиваться союза с Англией в видах торговли, ибо это именно та держава, которая для своего флота наиболее нуждается в нас и которая может быть наиболее полезна для нашего флота. Обменивать наш лес и другие произведения на ее золото и установить между ее и нашими торговцами и моряками постоянные сношения, которые приучат нас к торговле и мореплаванию.

8. Неустанно расширять свои пределы к северу и к югу, вдоль Черного моря.

9. Возможно ближе придвигаться к Константинополю и Индии. Обладающий ими будет обладателем мира. С этой целью возбуждать постоянные войны то против турок, то против персов, основывать верфи на Черном море, мало-помалу овладевать как этим морем, так и Балтийским, ибо то и другое необходимо для успеха плана — ускорить падение Персии, проникнуть до Персидского залива, восстановить, если возможно, древнюю торговлю Леванта чрез Сирию и достигнуть Индии как мирового складочного пункта. По овладении ею можно обойтись и без английского золота.

10. Установить и старательно поддерживать союз с Австрией, поощрять для виду ее замыслы о будущем господстве над Германией, а втайне возбуждать против нее недоброжелательство в государях. Стараться, чтобы те или другие обращались за помощью к России, и установить над странюю нечто вроде покровительства (протектората) с целью подготовки полного ее порабощения в будущем.

11. Заинтересовать Австрийский дом в изгнании турок из Европы, а по овладении Константинополем нейтрализовать его зависть, или возбудив против него войну, или дав ему часть из завоеванного, с тем чтобы позднее отобрать это назад.

12. Привлечь на свою сторону и соединить вокруг себя всех греко-восточных дезунитов или схизматиков, рас-

пространенных в Венгрии, Турции и южной Польше, сделаться их средоточием и опорой и предуготовить всеобщее господство над ними посредством установления как бы духовного главенства; таким образом приобрели столько союзников, друзей, сколько окажется их (дезунитов) у каждого из наших врагов.

13. Когда Швеция будет раздроблена, Персия побеждена, Польша покорена, Турция завоевана, армии соединены, Черное и Балтийское моря охраняемы нашими кораблями, тогда надлежит под великою тайной предложить сперва Версальскому двору, а потом и Венскому разделить власть над вселенной. Если который-либо из них, обольщаемый честолюбием и самолюбием, примет это предложение — что неминуемо и случится, — то употребить его на погибель другого, а потом уничтожить и уцелевшего, начав с ним борьбу, в исходе которой уже будет нельзя сомневаться, ибо Россия в то время будет обладать всем Востоком и большей частью Европы.

14. Если, паче чаяния, тот и другой откажутся от предложения России, то надлежит искусно возжечь между ними распрю и истощить их во взаимной борьбе. Тогда Россия, воспользовавшись решительной минутой, должна устремить свои заранее собранные войска на Германию и одновременно с этим выслать два значительные флота, один из Азовского моря, другой из Архангельска, с своими азиатскими ордами под прикрытием вооруженных флотов Черноморского и Балтийского. Выйдя в Средиземное море и океан, они наводнят, с одной стороны, Францию, с другой — Германию, и когда обе эти страны будут побеждены, то остальная Европа уже легко и без всякого сопротивления подпадет под наше иго.

Так можно и должно будет покорить Европу»¹³.

Как и в случае с «Прутским завещанием», ни подлинника, ни современной копии «политического завещания» Петра нет, и, по-видимому, они никогда не попадут в руки историков, так как их не существует в природе. Впервые «завещание» было опубликовано во Франции в 30-х годах XIX века. Одни историки относят его появление ко времени похода Наполеона в Россию, когда императору французов были необходимы аргументы против своего северного противника. Другие полагают, что «завещание» было сочинено небезызвестным кавалером д'Эоном, прославившимся в середине XVIII века своими похождениями в мужском, а чаще в женском платье. Он утвер-

ждал, что нашел его (во время своего пребывания в России) в Петергофском дворце. Между тем «завещание» не упоминается ни в одном документе преемников Петра, хотя необходимость в нем, особенно во времена Елизаветы, постоянно заявлявшей о верности «началам» Петра, явно испытывалась.

Текст «завещания» пестрит многими несуразностями, явно отражает незнание международной обстановки петровского времени. Тут и Германия, охарактеризованная как ближайшая к России страна, что могло быть только после разделов Польши, и крайне странная для такого опытного политика, каким был Петр, недооценка политической роли Англии, которая вместе с другой, даже не упомянутой в документе, великой морской державой — Голландией играла в первой четверти XVIII века колоссальную роль на Балтике и в мире, представляя серьезную опасность для русских интересов.

Петр почему-то не упомянул в «завещании» о путях победы над Англией или, по крайней мере, не отвел ей места при предполагаемом разделе мира: в пункте 13-м речь идет лишь о трех «повелителях мира» — Версале, Вене и Петербурге. Может быть, подобная оценка более чем скромной роли Великобритании обусловлена временем сочинения «завещания», когда континентальная блокада подорвала могущество Англии и многим казалось, что дни ее сочтены. Под обаяние этой иллюзии, разделяемой не только Наполеоном, возможно, подпал и автор «завещания». По тем же причинам, вероятно, в «завещание» не попала и разбитая Наполеоном Пруссия, которая в политических комбинациях Петра всегда играла заметную роль, шла ли речь о Германии или Польше, — Петр не мог бы умолчать о ней в наказе потомкам. Полон нелепостей и план совместных действий Балтийского и Черноморского флотов, выходящих на завоевание Европы почему-то из Архангельска и Азовского моря. Термин «орда» применительно к русской армии явно принадлежит не ее создателю, а противникам России.

Одним словом, перед нами явная подделка, цель которой — обосновать в общественном мнении необходимость и правомерность борьбы с Россией. Вместе с тем фальшивка имела долгую жизнь и была популярна. Причины этого феномена состоят не только в том, что для неразборчивых противников России она была верным оружи-

ем, но и в том, что Россия в своих действиях в XVIII—XX веках очень часто подтверждала идеи, высказанные автором «завещания Петра». Иначе говоря, полностью отрицая достоверность документа, необходимо отметить, что его составитель уловил многие общие тенденции имперской политики России XVIII века и экстраполировал их на более раннюю историю, точнее — на время Петра. Бесспорно, что великий реформатор стал основателем не только Российской империи, но и имперской политики, начала которой были успешно развиты его преемниками, особенно Екатериной II. Выше уже шла речь о германской и прибалтийской политике Российской империи. Обратимся к фактам, характеризующим азиатский аспект имперской политики Петра.

Не успели окончиться празднества по поводу долгожданного мира со Швецией, как русская армия двинулась на новую войну, на этот раз вниз по Оке и Волге до Астрахани, а далее — в Персию. Чем была вызвана эта новая война, стоившая русскому народу не менее 30 тысяч жизней и весьма значительных расходов, что для страны, пережившей тяжелейшее испытание Северной войны, было весьма и весьма ощутимо?

Высказывалось немало предположений о причинах Персидского похода. Думаю, что в основе лежали те же причины, которые двигали Петра на борьбу за отмену зундской пошлины. Знание конъюнктуры международной торговли убеждало царя в том, что деньги приносит не только продажа отечественного сырья и товаров за западный рубеж, но и прямая торговля с Востоком. Особенно большие барыши сулила транзитная торговля шелком, пряностями и другими редкостями Индии и Китая. Известно, что еще со времен Ивана Грозного русские самодержцы мечтали перенести великий шелковый путь с Ближнего Востока на территорию России. Немало способствовали этим небезосновательным мечтам русских царей и периодически повторяемые английскими, голландскими и иными купцами попытки найти путь к богатствам Индии через равнины России. Но все эти мечты и попытки, не получая развития, хирели, чтобы через какое-то время возродиться снова. Причин неудач было много, начиная с того, что Балтийское побережье не контролировалось Россией, в сущности, весь XVII век, и кончая тем, что не учитывалась традиционность Великого шелкового пути через Средний и Ближний Восток, влияние мощных

группировок восточных купцов-посредников, контролировавших вывоз товаров из Индии и Китая.

Петр решил коренным образом изменить ситуацию и перенести торговый путь между Европой и Востоком так, чтобы он проходил через Россию,— только этим можно объяснить одну из задач, которую он ставил перед посольством Волынского в Персии: «...не мочно ль препятствия какова учинить Смирноскому, Алеппскому торгом, где и как?» Предпосылки успеха он видел в существовании Петербурга, достижении мира на Балтике, в развитии судоходства, строительстве каналов, наконец, в подъеме собственной мануфактурной промышленности, способной, по его мнению, поставлять товары на индийский рынок.

Было бы неправильно отрицать и влияние общей, столь распространенной в европейской цивилизации нового времени (вспомним Наполеона, Павла I) имперской идеи, что истинно богат лишь тот, кто владеет Индией — этой сказочной сокровищницей человечества. Можно говорить о существовании своеобразного «индийского синдрома», владевшего завоевателями, ибо нет империи без Индии. Не миновал этот синдром и Петра.

Трудно определить, когда возникла «восточная идея» Петра, но совершенно определенно можно сказать, что после Полтавы, а еще точнее — после Прута, перечеркнувшего черноморское направление политики России. В течение 1714—1717 годов Петр опробовал несколько путей к Индии. Начало в 1714 году положила экспедиция полковника Бухгольца, который должен был проверить слухи о россыпях золота на реке Эркет и для этого двинулся из Сибирской губернии в южном направлении. Встретив сопротивление калмыков, Бухголец отступил. Сменившему его Лихареву было поручено дойти до озера Зайсан, построить там крепость и «проведовать о пути от Зайсана-озера к Эркети, как далеко и возможно ли дойти, также нет ли вершин каких рек, которая поддались к Зайсану, а впали в Дарью-реку или в Аральское море».

Примечательно, что Петр, не имея перед собой сколь-нибудь точной карты, пытался найти водный путь в Среднюю Азию и далее — в Индию. Необходимо держаться рек, внушал он своим эmissарам, основывая на их берегах крепости и, сделав их опорой, двигаться дальше на судах

Одновременно Петр зондировал и другой путь в Сред-

нию Азию — с восточного побережья Каспия. В 1714 году он дал задание Сенату: «Послать в Хиву (к хану) с поздравлением на ханство, а оттоль ехать в Бухары к хану, сыскав какое дело торговое, а дело настоящее — чтоб проведать про город Эркет, сколько далеко оный от Каспийского моря и нет ли каких рек оттоль, или хотя не от самого того места, однакож в близости, в Каспийское море».

На основании легендарных сведений Петр полагал, что существует плотина, благодаря которой воды Амударьи потекли в Аральское море вместо Каспийского. А. Бекович-Черкасский, руководитель организованной в 1716 году экспедиции, получил задание основать на месте бывшего устья Амударьи у Каспия крепость, а затем, продвинувшись на юго-восток вдоль бывшего русла Амударьи — Узбоя — до предполагаемой плотины, выбрать место для возведения еще одной крепости — базы для продвижения в Среднюю Азию. Далее он должен был двигаться в Хиву уже вдоль реки: «Ехать к хану хивинскому полом, а путь держать подле той реки и осмотреть прилежно ток оной, також и плотины, ежели возможно *оною воду паки обратить в старой ток* (т. е. к Каспию.— *Е. А.*), к тому же прочия устья запереть в Оральское море, и сколько к той работе людей потребно». Как видим, пальму первенства в преобразовании природы с помощью поворота рек (правда, с иной, чем ныне, целью) удерживает первый русский император.

Особый интерес вызывает другой пункт инструкции Бековичу: «Также просить у него [хивинского хана] судоф и на них отпустить купчину по Аму-Дарье-реке в Ындею, наказаф, чтоб изъехал ее пока суда могут итить (т. е. до ее верховьев.— *Е. А.*), а оттоль ехал в Ындею, примечая реки и озера и описывая водяной и сухой путь, а особливо водяной к Индии тою или и другими реками и возвратитца из Индии тем же путем, или ежели услышит в Ындии лутчей путь х Каспийскому морю, то возвратитьца и описать его»¹⁴.

Важно отметить, что в экспедицию были включены моряки, а под видом «купчины», ехавшего в Индию, первоначально предполагалось послать профессионального навигатора и картографа поручика Кожина, которому Петр заодно поручил купить в «Остиндии у Могола» страусов,— так Петр был уверен, что Кожин доберется до Дели.

Дух захватывает от идей царя, мечтавшего с помощью каналов и поворотов рек добиться того, чтобы однажды, сев на судно в Петербурге, сойти с него на берегах Инда. Огромная энергия, масштабность мышления Петра, его глубокая вера в неограниченные возможности мореплавания, инженерного дела в сочетании с убедительностью «вооруженной руки» — и все это при естественном незнании географии этого не исследованного европейцами района — делали планы Петра для его современников не такими уж фантастическими, как это может ныне показаться.

Бекович должен был также обеспечить прожект Петра политически и «хана Хивинского склонять к верности их подданству, обещая наследственное владение оному, для чего представлять ему гвардию к его службе (вспомним Мекленбург.— *Е. А.*), и чтоб он за то радел в наших интересах». В письме Бековичу-Черкасскому от 13 мая 1716 года Петр уточнял программу-минимум: «...буде па-че чаяния купчину водою не пропустят и в дружбе откажут, то более нечего делать, только что те два города делай, и плотину разори, и по реке вверх, сколько время допустит, осмотри току ее...»¹⁵.

Построив и заселив Красноводскую крепость в 1716 году, Бекович затем двинулся к Хиве. Но на подходе к столице ханства весь его отряд был уничтожен ханским войском, погиб и сам Бекович. Несчастная его судьба запечатлелась в поговорке. «Пропал, как Бекович», — читаем у Даля.

Неудача экспедиции Бековича не остановила Петра. Летом 1718 года он решил попытаться проникнуть в Среднюю Азию, точнее, в Бухарский эмират не с севера, а с юга, через Персию. Для этого было отправлено посольство Ф. Беневени с поручением: «едучи ему в пути, а особливо хана Бухарского во владении как морем, так сухим путем, все места, пристани и города и прочия поселения и положения мест, и какия где от них в море Каспийское реки большия и малыя впадают и какия оне суда имеют... присматривать все то прилежно и проводывать искусно, так, чтоб не признали бухаряне»¹⁶.

Экспедиция достигла цели лишь через три года, и ее члены остались там на положении заложников до 1725 года. Тем временем Петр углубленно разрабатывал последний, наиболее надежный, по его мнению, вариант — в Индию через Персию. К этому варианту царь об-

ратился в 1716 году, когда поручик Кожин на морском судне был послан «для осмотра ходу и пристаней на Каспийском море» и «положения» этого на карту. В 1718 году эту работу продолжил Урусов, которому поручалось особенно внимательно картографировать западное побережье Каспия от Астрахани до Гиляни, «прилежно осматривать гаванов и рек и какие суда могут где приставать, также скампавею мочно ли ходить и опасатца во время шторму». Далее в этом указе Петр собственноручно приписал: «Буде гаваноф нет, то мочно ль на берег, понеже слышим, что очень отмело (мелко.— Е. А.), а буде такие скамповеи не могут вытасканы быть, какие у нас, то мочно ль плоскодонныя вытаскивать и где». Как видим, интересы Петра к Каспийскому побережью еще за четыре года до похода были весьма специфичны. Проще говоря, речь шла о поиске мест для будущих десантов и о выборе типа десантных судов¹⁷.

Параллельно с морской была предпринята глубокая дипломатическая разведка в виде посольства А. П. Волынского, отправленного в Персию в 1715 году, то есть, в сущности, почти одновременно с экспедицией Бековича в Среднюю Азию. Хотя Волынскому и не предписывалось строить крепости и поворачивать реки, данные ему поручения далеко выходили за рамки чисто дипломатической миссии. Наиболее выразительно об этом свидетельствует инструкция Волынскому. Курсивом выделено то, что вписал в текст инструкции сам Петр, — на это стоит обратить внимание, ибо речь идет об изыскании водных путей в Индию: «Едучи по владениях шаха персидского, как морем, так и сухим путем, все места, пристани, города и прочия поселения и положения мест, и какие где в море Каспийское реки большие впадают, *и до которых мест по оным рекам мочно ехать от моря, и нет ли какой реки из Индии, которая бы впала в сие море*, и есть ли на том море и в пристанях у шаха суды военные или купеческие, тажкож какие крепости и фортеции присматривать прилежно и искусно и проведовать о том, *а особливо про Гилянъ и какие горы и непроходимыя места кроме одного нужного пути (как сказывают) отделили Гилянъ и прочия провинции по Каспийскому морю лежащие от Персиды*, однакож так, чтоб того не признали персияне, и делать о том секретно журнал повседневной, описывая все подлинно. Будучи ему в Персии, присматривать и разведывать сколько у шаха крепостей и войска и в каком

порядке, и не вводят ли европейских обычаев в войне...»¹⁸

Волынский должен был также узнать, «невозможно ль чрез Персиду учинить купечество в Индию, и о том пути, и о торгах, какие у них, индейцов, с персами оные обретаются, и какие товары им потребны, и от них вывожены быть могут»¹⁹.

Волынский оказался в Иране в момент глубочайшего политического кризиса Сефевидской державы. Один за другим восстали подвластные персам народы: лезгины, курды, луры, белуджи, армяне. Наибольшую опасность представляло восстание сильного афганского племени гильзаев, начавшееся в 1709 году в Кандагаре и вскоре переросшее из освободительного в завоевательное. Развал царил и в центре, где у власти стоял бездарный и слабовольный шах Хосейн.

Анализируя политическую обстановку в стране, Волынский сообщал Петру: «Думаю, что сия корона к последнему разорению приходит, если не обновится другим шахом, не только от неприятелей и от своих бунтовщиков оборониться не могут, и уже мало мест осталось, где бы не было бунта, один от другого все пропадают...»

Подводя итоги, Волынский пишет о необходимости использовать слабость Персии для территориальных захватов: «Другого моим слабым разумом я не рассудил, кроме того, что бог ведет к падению сию корону, на что своим безумством они нас влекут сами; не дивлюсь, видя их глупость: думаю, что это божия воля к счастью царскому величеству; хотя настоящая война наша (шведская) нам и возбраняла б, однакож, как я здешнюю слабость вижу, нам безо всякого опасения начать можно, ибо не только целою армиею, но и малым корпусом великую часть к России присовокупить без труда можно, к чему удобнее нынешнего времени не будет, ибо если впредь сие государство обновится другим шахом, то, может быть, и порядок другой будет»²⁰.

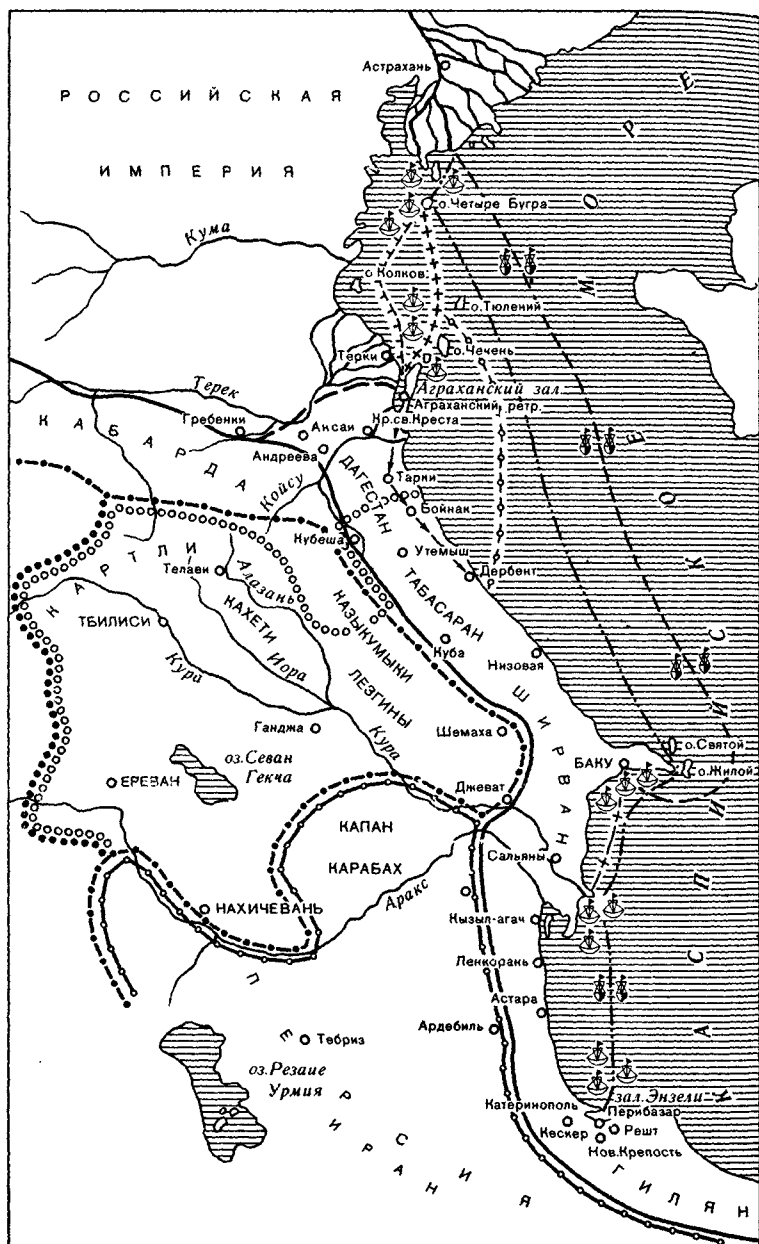
По возвращении из посольства Волынский был назначен астраханским губернатором и по заданию Петра начал готовить политическую и материальную базу для предстоящего похода в Персию: посылал эмиссаров в Грузию с целью «принца грузинского (Вахтанга. — Е. А.) искать склонить так, чтобы он в потребное время был надежен нам», вдоль западного побережья Каспия разве-

дывались сухопутные дороги, предписывалось «суды на море делать прямые морские, дабы в случае ни за чем остановки не было, аднакож все в великом секрете держать»²¹.

Все было готово, Петр ждал лишь окончания Северной войны.¹ В августе 1721 года — месяце заключения Ништадтского мира — лезгинский князь Хаджи-Давуд захватил Шемаху и разгромил торговые ряды, в которых находились русские купцы. Волинский сразу же написал Петру, призывая его воспользоваться представившимся случаем как поводом для нападения на Персию: «Мое слабое мнение доношу по намерению вашему к начатию законне сего уже нельзя и быть причины: первое, что изволите за свое, второе — не против персиян, но против неприятелей их и своих, к тому ж и персиянам можно предлагать (ежели бы они стали протестовать), что ежели они заплатят за ваши убытки, то ваше величество паки (опять. — Е. А.) их отдать можете, и так можно пред всем светом показать, что вы изволите иметь истинную к тому причину»²².

Волинский призывал Петра выступить раньше, чем персидское правительство обратится за помощью к Турции: «Того ради, государь, можно начать и на предбудущее лето, понеже не великих войск сия война требует, ибо ваше величество уже изволите и сами видеть, что не люди — скоты воюют и разоряют; инфантерии больше десяти полков я бы не желал, да к тому кавалерии четыре полка, и тысячи три нарочитых казаков, с которыми войску можно идти без великаго страха, только б была исправная аммуниция и довольное число провианта». Петр отвечал Волинскому 5 декабря, что действительно «сего случая не пропустить зело то изрядно, и мы уже довольную часть войска к Волге маршировать велели на квартиры, отколь весною пойдут в Астрахань»²³.

Поход, начатый весной 1722 года манифестом, в котором Персии объявлялась война якобы для возмещения убытков русских купцов в Шемахе и спасения христиан Востока от мусульманского засилия, был вполне успешным: в августе пал Дербент, основана крепость Святой Крест (весьма символичное крестоносное название), на следующее лето пал Баку. Сенаторы спешили поздравить царя и «за здравие Петра Великого, вступившего на стези Александра Великого, всерадостно пили»²⁴. Но, хотя шахская армия сопротивления не ока-

зала, поход проходил в тяжелых условиях из-за непривычного климата и враждебности населения. Ситуация осложнялась тем, что Турция, обеспокоенная движением русских войск и пользуясь слабостью Ирана, вторглась в восточную Армению и заняла также восточную Грузию вместе с Тбилиси. Россия оказалась втянутой в серьезный конфликт — весной 1723 года война с Турцией представлялась неизбежной. Угроза со стороны Турции казалась новому шаху Тахмаспу II более серьезной, чем со стороны России, и вскоре в Петербург был отправлен посол Исмаилбек, который в сентябре 1723 года был вынужден подписать мирный договор, согласно которому к России навечно отошла прикаспийская полоса Дагестана, Ширвана, Дербент, Баку, а также Гилян, Мазандеран и Горган (Астрабад). Взамен Россия должна была помочь шаху справиться с афганскими повстанцами.

Восьмитысячный русский корпус вошел в Гилян и оккупировал его столицу город Решт. Еще никогда так далеко к югу — на широту Душанбе и Афин — не доходили русские солдаты. Петр был очень доволен исходом войны и поздравлял своих приближенных с присоединением к империи «нового лоскутка». Этим миром начали сбываться его мечты об овладении богатствами Востока. 17 сен-

Персидский поход 1722—1723 гг.

- Граница России после 1723 г.
- Граница России до 1723 г.
- Граница Турции после 1723 г.
- Граница Турции до 1723 г.
- Граница Персии после 1723 г.
- Граница Персии до 1723 г.
- ⊥ ⊥ ⊥ ⊥ Путь русских войск в Аграханский залив в 1722 г.
- +++++ Путь флотилии с войском под командованием Апраксина
- ...—... Путь полковника Шипова в Гилян в 1722 г.
- Путь генерала Матюшкина в Баку в 1723 г.
- ←←← Поход русских войск на Дербент в 1722 г.

Барельеф, посвященный взятию Дербента в 1722 году.

тября 1723 года он писал в Голландию Б. Куракину, что с персидским послом «по многим конференциям дело его окончали и помощь обещали за что оной по данной ему полной мочи уступил все провинции по Каспийскому морю лежащие, зачав от Дербеня до Астрабата и сим новоприбыльным краем вам поздравляем, понеже не от бунтовщиков, но от самих хозяев получили, и так с помощью божиею будем крепчее по времени».

Собираясь упрочить свое господство в Иране, Петр приказал информировать голландских купцов об изменении ситуации в районе, из которого в Европу шел в большом количестве шелк-сырец: «...пристойным образом можешь галанцам объявить о торгу их шолковым, чтоб оный начать, а ежели будут сумневатца о турках, верь мне, что того они не достигнут турки, ибо я тот край довольно знаю, как труден не точию туркам, но и нашим, каковы нетерпеливы, также и допустить их мы не можем, и можешь обнадежить, что сей торг весьма безопасен, и что мы им всякую возможную спомочь чинить будем».

Петр знал, о чем говорил, — с турками шли переговоры о разделе бывших владений Ирана. Летом 1724 года соответствующий трактат был подписан. Согласно ему Турция гарантировала России ее завоевания, а Россия ей — турецкие, а именно: Восточное Закавказье, Азербайджан и часть Западного Ирана с Хамаданом. Разумеется, так как истинные цели войны были иные, чем те, что были объявлены в манифесте 1722 года, то о судьбе православных Закавказья (как и раньше — Балкан) речь не шла. Лишь грузинский царевич Вахтанг получил грамоту, по которой ему разрешалось «ретиrowатца в наше государство». В случае сопротивления Персии разделу Россия и Турция, согласно трактату, должны были действовать совместно и, «приведя сперва свои персидские про-

винции в спокойное состояние и умирив персидское смятение, возстановят на престол персидский достойнейшаго из персиян, а по возстановлению законного шаха не будут мешаться в его дела или нарушать его спокойное владение»²⁵.

О дальнейших планах Петра мы можем судить по его «пунктам» — указам командующему русским корпусом в Персии генералу Матюшкину. Первой его задачей считалось усиление крепостей в Дербенте, Баку, достройка крепости Святой Крест. Так как русские войска стояли лишь в Гиляне, ставилась задача движения на юго-восток, взятия Мазандерана и укрепления в Астрабаде: «Гилян уже овладена, надлежит Мизендоран також овладеть и укрепить, а в Астрабатской пристани, ежели нужно, зделать крепосу и для той работных людей, которые определены на Куру, употребить в вышеописанные дела».

По мысли Петра, новые колонии предстояло хозяйственно освоить и получать с них доходы. Матюшкин должен был «единым словом как владение людем, так зборы всякие денежные и всякую экономию в полное состояние привести». Особенно увлекала Петра надежда прибрать к рукам шелковое дело, сулящее огромные прибыли. В июне 1724 года он предписал Матюшкину: «Понеже шелк в Гиляни покупают все на деньги и так зело дорого, того для надлежит осмотреть, сколько людей в Гиляни и Мазандеране ходят за шелком, и ежели не зело великое число, то б помалу своих обучать и приставливать, дабы по времени свои то делали, и так бы дешевле мочно оной доставать, а какое число людей на первой час надобно и сколько по вся годы прислать, о том писать, дабы мы заблаговременно могли оных семьями туды проводить».

О намерении Петра организовать переселение русских, а также вообще христиан в Гилян и Мазандеран говорят и другие источники. В сентябре 1724 года царь дал наказ генералу Румянцеву, отправившемуся на разграничение русско-турецкой границы в Закавказье: «...понеже путь вам или близ чрез Армению будет, также и в Грузии много армян, того ради сколько возможно старайтесь их подговаривать, чтоб они шли в Гилян и в другие тамошние места жить и, ежели оне многим числом будут, мы персоф будем высылать и им места где оные жили, отдавать...»²⁶.

В другом письме Румянцеву он писал: «Если турки станут вам об этом говорить, то отвечайте, что мы сами ар-

мян не призывали, но они нас по единоверию просили взять их под свое покровительство... надобно смотреть только, чтоб земли принадлежали за кем выговорено в договоре, а народам не надобно препятствовать переходить в ту или другую сторону. Порте еще выгодно будет, когда армяне выйдут, потому, что она тогда без сопротивления землями их овладеет. Прибавь, что если Порта захочет перезывать к себе бусурман из приобретенных нами от Персии провинций, то нам это не будет противно». Матюшкин же получил прямое указание селить армян и избавляться от мусульман. 2 июня 1724 года ему предписывалось: «Тщитца всяким образом, чтоб армян призывать и иных христиан, ежеди есть в Гилян и Мизендран и оживать (давать жилье. — Е. А.), а бусурман зело тихим образом, чтоб не узнали, сколько возможно убавливать, а именно туретского закона. Также когда осмотритца, дабы знать сколько возможно там русской нации на первой час поселить»²⁷.

10 ноября 1724 года смертельно больной Петр принял делегацию армян и в тот же день подписал указ к воинским начальникам на Каспии. Они были обязаны принимать всех переселявшихся армян, предоставлять им удобные земли «и отдавать им в городах и селах те дворы и пожитки, которые пусты, также и тех из магометан, которые явились в какой противности, или на которых какое подозрение есть, тех выводить вон, а их места занимать оными христианами»²⁸.

Намереваясь надолго закрепиться на южном берегу Каспия, Петр был исполнен оптимизма, ибо считал, что стоит у ворот сокровищницы Азии. В этом смысле примечателен его разговор с Ф. Соймоновым во время Каспийского похода. Соймонов говорил царю о необходимости освоить северо-восточный путь в Индию, через Камчатку. Соймонов вспоминает, что Петр на это ответил: «Слушай: я то все знаю, да не ныне, да то далеко, был ты в Астрабатском заливе? знаешь ли, что от Астрабада до Балха в Бухарии и до Водокшана (Бадахшана в Афганистане. — Е. А.) и на верблюдах только 12 дней ходу, а там во всей Бухарии середина всех восточных коммерций, и видишь ты горы и берег подле оных до самого Астрабада простирается, и тому пути никто помешать не может»²⁹.

Итак, в 1724 году, накануне смерти, Петр разрабатывал широкую, впечатляющую программу колониального освоения захваченных территорий. Но уже тогда он ду-

мал и о новых завоеваниях, особенно в направлении Закавказья. Плацдармом для этого служили завоеванные прикаспийские провинции. Весной 1724 года Петр дает задания дипломатам и военным, которые должны были, подобно Волинскому, произвести рекогносцировку на Кавказе. Так, Матюшкин должен был: «О Куре разведать, до которых мест мочно судами мелкими итить, чтоб подлинно верно было». Румянцеву поручалось: «Смотреть накрепко места положения, а именно от Баки до Грузии какая дорога столь долго мочно с войском итить и мочно ль фураж иметь и на сколько лошадей и путь какоф для войска; 3. Мочно ль провианту сыскать; 4. Армяня далеко ль от Грузии и стого пути; ...Курою рекою возможно ль до Грузии итить судами, хотя малыми; 7. Состояние и сила грузинцоф и армян, тако ж пути, о которых выше писана, которой удобнее для действ воинских — сие самое главное дело»³⁰.

Не может быть сомнений, завоевание Закавказья и соответственно война с Турцией — вот очередное направление имперской политики Петра на Востоке.

А что же Индия? Петр, по-видимому, намеревался, создав и усилив плацдарм на южном берегу Каспия, двигаться дальше на юг. Но об этом точных сведений нет. Но есть сведения о других, совершенно неожиданных поисках пути к вожделенной Индии. Речь идет о снаряжении тайной морской экспедиции в Индию с заходом на Мадагаскар.

Как известно, в конце XVII — начале XVIII века на Мадагаскаре нашли пристанище многочисленные пиратские шайки, вытесненные из Карибского бассейна. Обстановка на Мадагаскаре описана Даниелем Дефо в увлекательном романе «Жизнь и пиратские приключения славного капитана Сингльтона». Положение пиратов было крайне непрочным, ибо англичане и французы жестоко преследовали разбой на море. Тогда в пиратской «республике» возникла идея просить протекцию у какого-либо европейского государя, с тем чтобы присоединить к его государству Мадагаскар. Такие предложения делались голландцам, французам. В 1718 году один из главарей пиратов Каспар Морган посетил Швецию и получил охранную грамоту, согласно которой он отныне являлся наместником шведского короля на Мадагаскаре. В 1722 году шведы отправили на Мадагаскар экспедицию командора К. Г. Ульриха на фрегате «Яррамас», которая дошла лишь

до Испании и, простояв несколько месяцев в Кадиксе, вернулась в Швецию. И хотя эту экспедицию, как и весь замысел шведов, окружала тайна, Петр стал ее обладателем, получив информацию через поступивших на его службу моряков, среди которых был принятый в вице-адмиралы российского флота швед Д. Вильстер — опытный моряк и флотоводец. Летом 1723 года он по заданию Петра представил записку о попытках шведов закрепить на Мадагаскаре и о том, что пиратам разрешалось вступить в подданство шведского короля и «слыть шведским населением на вышеписанных островах и всем вкупе со всею подданною верностию в первечные веки короны Свейской соединенными пребывать». В заключение Вильстер рекомендовал Петру связаться непосредственно с Морганом, чтобы «его императорского величества намерение по желанию всяким благополучием наградить»³¹.

В ноябре 1723 года, то есть тогда, когда флот уже завершил кампанию, Петр дал распоряжение о начале подготовки экспедиции, причем все это было обставлено особой секретностью. Для экспедиции, которая поручалась Вильстеру, определялись прекрасные фрегаты голландской постройки — «Амстердам-Галей» и «Декронделивд», укомплектованные лучшими моряками флота. Фрегаты предписывалось снабдить продовольствием на восемь месяцев, замаскировать под торговые суда. Они должны были двигаться, минуя оживленные морские перекрестки, не через Ламанш, а «кругом Шкоции и Ирляндии... дабы не дать никому никакого подозрения» на юг. Инструкции, данные Вильстеру, предусматривали конечной целью экспедиции Индию. По дороге корабли должны были зайти на Мадагаскар, и Вильстеру поручалось пригласить пиратского «короля» в подданство российского императора.

Необычайное время года для сборов, их поспешность и секретность — все это делалось для того, чтобы опередить подобную экспедицию шведов. В верительной грамоте малагасийскому владельцу от 3 декабря 1723 года говорилось об этом почти неприкрыто: «Объявляем сим, понеже нам ведомо учинилось, что высокопочтенный король славного острова Мадагаскарского в прошлых временах искал протекции у покойного короля шведского... того ради мы за благо изобрели к нему, высокопочтенному королю Мадагаскарскому нашего вице-адмирала Вильстера и капитана морского Мясного и капитан-поручика Кошелева к оному наше намерение предложить, а именно, что

ежели вышеупомянутый король Мадагаскарский склонность имеет у какой державы протекцию искать, то мы от сердца желаем, дабы мы то счастье имели одного в нашу протекцию принять...»³².

Даже при самой богатой фантазии с трудом представляешь флаг Российской империи над фортом в заливе Антонжиль острова Мадагаскар. И тем не менее планы эти были близки к осуществлению. От Мадагаскара Вильстер должен был двигаться дальше — в Индию. Согласно специальной инструкции он, как полномочный посланник России, должен был попасть к Великому Моголу «и всякими мерами... его склонить, чтоб с Россиею позволил производить коммерцию, и иметь с ним договор, какие товары потребны в Россию, также и какие в его областях товары из России надобны суть». Важно отметить, что организация этой экспедиции совпала по времени с заключением русско-персидского мира 1723 года, по которому к России отошли прикаспийские провинции Персии. Координация этих столь разных событий осуществлялась одним человеком — Петром. Но экспедиция не состоялась.

21 декабря 1723 года корабли вышли из Рогервика, но сразу же попали под шквальный ветер, и «Амстердам-Галей» дал сильную течь. Пришлось идти в Ревель, чтобы отремонтировать корпус фрегата. Для этого нужно было положить его на борт. Во время килевания в январе 1724 года произошло несчастье — пушечные порты фрегата были не только не законопачены, как это полагалось при таких операциях, но даже и не закрыты. «Амстердам» перевернулся. Многим (кроме шестнадцати человек) удалось спастись, но экспедицию пришлось отложить. Петр дал распоряжение подобрать новые корабли, но они оказались не подшиты коровьими шкурами, которые предохраняли днища от моллюсков южных морей. Шкур не оказалось на складе... одним словом, дальше все было так, как это частенько бывает на Руси.

В итоге подготовка кораблей к походу затянулась, а в феврале Петр приказал отложить экспедицию до лучших времен. К этому времени он получил от уже упомянутого командора Ульриха точные сведения о том, что пиратская «республика» на Мадагаскаре распалась, колония обезлюдела. Из этого царь мог заключить, что вряд ли стоит рисковать в этой авантюре с Мадагаскаром.

Но мысль о поиске морского пути в Индию не оставляла Петра. В конце жизни он решил выяснить возможность северного пути и вслед за отправленной в 1719 году экспедицией И. Евреинова и Ф. Лужина послал на Дальний Восток В. Беринга с заданием изучить возможность прохода между Азией и Америкой. Одновременно царь стремился как можно быстрее освоить персидские провинции. Впоследствии, выполняя его планы, правительство Екатерины I расширяло свои владения к северу и югу от Решта, занимая города, укрепляя их, строя крепости, одна из которых получила название Екатеринополь..

Кто знает, что было бы, если бы царь прожил еще несколько лет. Мысль о том, что завоеванные провинции — плацдарм на Среднем Востоке, имеет под собой основания. По крайней мере, следует прислушаться к Артемию Волинскому, хорошо знавшему восточную политику Петра и вспоминавшему позже: «По замыслам его величества не до одной Персии было ему дело. Ибо, если б посчастливилось нам в Персии и продолжил бы всевышний живот его, конечно, покусился достигнуть *до Индии*, а имел в себе намерения и *до Китайского государства*, что я сподобился от его императорского величества... сам слышать»³³.